

ХАРЬКОВСКІЙ ДЕМОКРИТЪ.

ТЫСЯЧА ПЕРВЫЙ ЖУРНАЛЪ!

Издаваемый Васи́лемъ Маслови́чемъ.

Всѣ въ ежемѣсячны пустилися изданья.

И словомъ вижу я въ странѣ моей родной -
Журналовъ *тысячу*, а книги ни одной!

МѢСЯЦЪ АПРѢЛЬ.



Х А Р Ъ К О В Ъ,
Въ Университетской Типографіи,
1816 года.

Учрежденный при ИМПЕРАТОРСКОМЪ Харьковскомъ Университетѣ Цензурный Комитетъ основываясь на донесеніи читавшаго сіе Сочиненіе Профессора Ивана Срезневскаго, печаташь оное позволяешь съ шѣмъ, чтобы по напечатаніи, до выпуска въ Публику, представлены были въ Цензурный Комитетъ: одинъ экземпляръ для Цензурнаго Комитета, два для Департамента Министерства Просвѣщенія, два для ИМПЕРАТОРСКОЙ Публичной Библіотеки и одинъ для ИМПЕРАТОРСКОЙ Академіи Наукъ. Марша 23 дня, 1816 года.

Деканъ Гавріиль Успенскій.



Г.

П О Э З І Я.

Г.

У Т А И Д А.

(Колическая Поэма.)

Содержаніе второй пѣсни.

Призываніе восторга — радость Марьи — печаль Зашѣя — онъ никакъ не можетъ выдумать именъ для дѣтей своихъ — Марья ихъ называетъ — обыкновенное занятіе Зашѣя и Марьи — разсужденіе о женщинахъ — ростъ Утая и Ушки — сила Утая.

О краткіе часы восторга, изскупленій,
Въ которы началъ я Утая воспѣвать!
И ты, крылатый *Геній*!
Коль могъ тебѣ вмѣщать,
Вѣщайте мнѣ когда чердакъ мой постоитъ,
Когда вторую пѣснь окончите, скажите?
Я долго боленъ былъ, и весь изнемогая,
Позабывалъ себя, не забывалъ *Утая*!
Въ большомъ бреду, жару его воспоминалъ,
И только для *него* на свѣтѣ быть желалъ.
Не только для него, еще есть двѣ причины,
Для коихъ не желалъ въ болѣзни я кончины;
Причина первая: *еще хотѣлось жить!*

Подземный узкій домъ не могъ пріятень бытъ;
Вторая: былъ школяръ, и для того боялся,
Дабы я школяромъ на вѣки не остался.
Не ужъ ли для того былъ долженъ видѣть свѣтъ,
Чтобы въ восемнадцать лѣтъ, въ школярствѣ
умереть!

Я, кажется, рожденъ для благородной цѣли,
Чтобъ въ мѣрѣ семь играть на лирѣ и свирѣли,
И для того хочу подолѣе пожить
Но полно попусту такъ долго говорить,
Чтобы чипашель мой не вышелъ изъ перпѣнья,
Не началъ бы меня бранить за разсужденья;
А я съ чипашелемъ ругаться не хочу,
Въ его угодность замолчу.

Мои чипашели мнѣ украшенье, слава,
Такъ долженъ ли я имъ за это досаждать?

Нѣтъ, нѣтъ, любезный *Савва!*

Въ угодность я твою не буду разсуждать,
И шестиспопными, *аршинными* стихами,
Не стану твой языкъ и служъ опягощать,

Клянуся краткими строками
Тебя плѣнять и услаждать! (*)

(*) Нѣтъ зла безъ добра! Не будь я тогда боленъ, — то вторая пѣснь Ушай не имѣла бы приступа; а гдѣ нѣтъ приступа, тамъ нѣтъ и окончанія. И такъ, Господи Горячка! я вамъ очень обязанъ за ваше тогдашнее милосливое посѣщеніе. Вы причина были второй пѣсни, слѣдовательно и послѣдующимъ; а посему и Харьковскому Демокристу; — ибо Ушай былъ вѣрнымъ запасомъ и основаніемъ, на которомъ вздумалъ я воздвигнуть се Изданіе. Можете быть кто,

Когда зашѣй охолодился,
И жарь его когда поухъ,
Онъ въ важны мысли углубился,
Къ восторгамъ Марьинымъ былъ глухъ.
И Марья какъ ужъ ни кричала,
Чего не дѣлала она?
Плясала, топала, скакала,
Вопъ какъ прямая Сапана!
То дочку чмокнешъ, то къ Зашѣю,
То мигомъ къ сыну подбѣжить,
Чуть, чуть себѣ не сломить шею,

изъ чашапелей хочешъ здѣсь прибавишь, что Гж. Горячка есть также и причина пенерешней его зѣвоты; а посему и хорошаго сна: всё таки добро, ибо кто хорошо спитъ, тотъ наслаждается первѣйшимъ благомъ сего Мира, т. е. здоровьемъ, а кто хорошо и много спитъ, тотъ еще имѣетъ всё право на будущую награду! по словамъ извѣснаго Латинскаго (а посему и справедливаго) силлогизма: Qui bene bibit . . . только первое предложеніе должно превратить въ Qui legit De... что и сослავишь слѣдующій, во всей формѣ Аристотелевской силлогизмъ:

Qui legit De...

Bene dormit,

Qui bene dormit, non peccat,

Qui non peccat, sanctus est;

Ergo, qui legit De... sanctus est.

И такъ, Господа! ежели хопите быть блаженными, такъ разбирайте Демокрипа!....

Ни какъ на мѣснѣ не сидишь,
Ревешь отъ радости, мяучишь,

Пищишь,
Визжишь,
Кричишь,

Ну, словомъ, чортъ старуху мучишь!

Затѣй же всё молчишь, молчишь,
То лобъ почешешь, то скривишься,
И кто не знаетъ, заключишь:

Рѣшишь *проблему* онъ трудится.

Но не въ проблемѣ дѣло было,

На что ему проблемы знашь?

Но вошь его что суешило:

Не зналъ, какъ дѣшочекъ называть.

Сергѣй, Уласъ, Кирбитъ, Лаврентій,

Демьянъ, Стеланъ, Трофимъ, Самсонъ,

Лука, Фома, Давидъ, Аксентій,

Михайло, Прохоръ, Спиридонъ,

Аукерья, Анна, Евдокія,

Марьяна, Мавра, Тимофей,

Федора, Фекла, Прасковія,

Кулина, Марья, Дорофей,

Петръ, Павелъ, Александръ, Василій,

Романъ, Никита, Алистратъ,

Ефимъ, Игнатъ, Кузьма, Перфилий,

Пантелелмонъ, Егоръ, Панкратъ....

Всѣ, словомъ, свящцы до листочка

Дѣдъ бѣдный тихо прошепсаль,

Однакъ для дочки и сыночка

Онъ выбрать имени не зналъ.

„За чѣмъ ты, старый дѣдъ! косишься,

Затѣю Марья говоришь,
О чемъ, кручинишься, морщишься?
Перемѣни медвѣжій видъ,
Вошь дѣшочки! любуйся ими,
Маленько съ ними поиграй....
— Прошу тебя, рѣчьми такими,
Старуха, мнѣ не досаждай.
Не даромъ говорятъ: старухи
Куды охочи до вранья,
И пренесносны лепетухи.
По слушай, старая! меня:
За чѣмъ кривлюся, есть причина,
За чѣмъ не весель, тоже есть:
Не пылъ для дочери и сына,
Не ты ли имя можешь сплестъ?
На это Марья такъ сказала:
Я имя дочкѣ ужъ дала,
Не думала, не хлопотала,
А *Уткой* просто назвала.
— Дочь *Уткой* назвала! ты права:
Дочь изъ утиного яйца,
Тебѣ старуха! честь и слава,
Да какъ назвать бы молодца?
Давай, старуха! попытаемъ,
Часъ добрый, можешь приберемъ;
Да какъ бы намъ его?.... *Утаемъ*,
Родимой батька! назовемъ.
Тутъ дѣдъ Затѣй отъ умиленья
Старуху началъ обнимать:
Какіяжъ дѣлалъ онъ движенья!
Нельзя никакъ ихъ описатьъ,

Ни разсказать,
А развѣ въ сказочкѣ солгать.
Нѣ мы вранья писать не любимъ,
Одну лишь правду говоримъ,
И въ сошню разъ умнѣе будемъ,
Когда объ этомъ умолчимъ.

Прошло дни два, — и три, — четыре,
А можетъ быть и десять дней:

Ушихъ Зашѣй,
И всё въ его усихло мѣрѣ.
Зашѣй по прежнему въ кануркѣ
Отъ утра до ночи сидѣлъ,
Коль скучно было, кушалъ булки,
А булокъ нѣтъ — хлѣбъ чорный ѣлъ.
Старуха же всё то творила,
Что добра мать въ дому творить:
Прилѣжно за дѣтьми ходила,
Старалася, чтобъ мужъ былъ сытъ,
Чтобъ было чисто всё, опрятно,
Во всемъ хозяйство наблюдать:
О какъ должно быть тамъ прѣятно,
Гдѣ добрая такая мать!
Тамъ нѣтъ ни сваръ, ни ссоръ, ни драки,
Любовь лишь тамъ и шишина,
Тамъ не грызутся, какъ собаки,
Гдѣ добрая живетъ жена.
Хотя такія рѣдки жоны,
Но можно ихъ еще сыскать:
Онѣ блестятъ сквозь миліоны,
Легко ихъ можно распознать.
Равно легко и ошибиться,

Шумиху золотомъ почешъ,
Она какъ золото яснится,
Однако золото ли есть?....
Но полно! я опять съ дороги
Большой въ проселочну иду,
Измучу только эшимъ ноги,
А больше проку не найду.
И такъ оставимъ жонъ — къ Ушаю,
Къ его сестрицѣ завернемъ,
Чудесь мы множество найдемъ,
По крайнѣй мѣрѣ такъ я чаю.
И впрямъ, пока болталъ пустое,
Мои Герои подросли,
И чуть ли, чуть ли не были
Они повыше гуся въ двое.
Ушай въ особенности росъ,
И въ каждый часъ въ такую мѣру,
На сколько вздергиваетъ носъ
Надушый хватикъ Бекоѣкъ
(Что даже превышаетъ вѣру!):
Здѣсь кой-что нада бы сказать
О носѣ семь, смотрящемъ въ гору,
Но чтобъ не всё ужъ отступать,
Скажу объ немъ въ другую пору.
Сестра же *Утка* подрастала
Не такъ, какъ братъ ея *Утай*;
Но въ день шестой такая стала,
Хоть подъ вѣнецъ ее давай!
Ахъ не завидна ли, дѣвицы!
Такая участь *Утки* сей:
Сташна, невѣста, красотолица,

Припомъ недѣли нѣту ей?
Всѣ дѣвушки конечно знаютъ,
Что здѣсь бы я еще сказалъ,
Когда бы ихъ не почиталъ:
Мущины сами пусть гадаютъ.
Она казалась лѣтъ въ пятнадцать,
И ростъ престала наконецъ,
Не росъ и братъ, и былъ лѣтъ въ двадцать,
И впрямъ прехваскій молодець!
Глаза — какъ огонь въ ночи свѣтили,
Ногой — гдѣ ступить, тамъ шрещить,
Предъ нимъ сполѣтши дубы, хилы:
Онъ ихъ мизинцемъ повалишь!
Херсонъ, Бова и Ерусланы,
И всѣ Царевичи *Иваны,*
И даже *Муромецъ Илья,*
Предъ нимъ въ почъ были то, что я!
Тобой вторую пѣснь кончаю,
Богиня костяна нога!
Тебя молю, къ тебѣ взываю,
Сѣдая бабушка *Яга!*
Снабди, всесильная! совѣтомъ,
Руководи младымъ пѣвцомъ,
Чтобъ мой Герой предъ цѣлымъ свѣтомъ
Въ грязь не ударился лицомъ.

Мслечъ.

2.

О Д А.

С.

Умолкни все! — внимай, вселенна!
А ты, о Лира вдохновенна!
Звучи, — бряцай, греми, воспой:
Не шигра кровью обагренна —
Героевъ слава будь презрѣнна,
Чшо рушатъ нашъ и всѣхъ покой!

*

Когожъ мой духъ хвалишь желаешь,
Кого онъ выше поспавляетъ,
Чѣмъ випязи, богатыри,
Кому онъ зиждетъ олтари?
Не божестволь какое Неба
Ты воспоешь, питомецъ Феба?

*

Да торжествуешь нынѣ свѣтъ!
Подъ пѣснь скачите, элементы!
Пляшите, Харьковски Студенты! (*)
То мой пріятель и сосѣдъ.
Его, его я воспѣваю —
Въ числѣ созвѣздій помѣщаю!

*

(*) Сочинитель былъ тогда при Университетѣ и разумѣетъ
здѣсь одного Студента.

Хоть много ты шворилъ чудесь,
Но ты съ своею кожей львиной,
Съ тяжелой, грозною дубиной —
Предъ нимъ ничто, мой Геркулесь!
Ничто предъ нимъ Персей, Язонъ:
Врежень краса и диво онъ.

*

Какой же подвигъ онъ свершилъ?
Онъ устрашилъ и борщъ, и кашу,
И Вакхову священну чашу,
Прехрабро съ пуншемъ проглотилъ!
А больше тѣмъ восхитилъ Музу,
Что мѣшко попадаетъ въ лузу!

*

С.....! здравствуй на всегда!
Геройствуй съ кашей безъ вреда,
Да будетъ юный Вакхъ съ тобою,
Да узришь Грацій ты съ собою!
Се мой къ тебѣ усердья гласъ,
Ты съѣшь его, какъ ананасъ.

1805 года. *Нахиковъ.*

О Граціи. ()*

Почтенны Господа Словесна Факультета
О милой Граціи ждушь ошь меня ошвѣща:

• Божественный Платонъ,
Беати, Мендельзонъ

И Сульцеръ, Монтескье, и Гагедорнъ, и Гомы,
Писали толстые о сей Богинѣ томы,
Писали — но моглидь они ее опкрыть?
Я въ эшомъ случаѣ скажу, какъ Симонидъ:
„Чѣмъ больше думаю о Граціи любезной,
Тѣмъ больше вижу я, что шрудъ мой бесполез-
ной.“

О Грація! тебя лишь можно ощущашь
Но дерзновеніе тебя опредѣляшь!
Чѣмъ, чѣмъ Филологи тебя не величали?
Тебѣ всѣ имена пріятны приписали:

Любезность, простота
И скромность, миловидность,
Плѣнительность и чистота,
Простосердечіе, невинность....

И словомъ тысячу именъ имѣла ты,
И въ видѣ прелести, и въ видѣ ошпрошты,
Очаровательнымъ глазамъ ты ихъ являлась,
Однако и поднесъ загадкою осталась.
Въ швореньяхъ многихъ ты пѣвцовъ
Свой шронъ имѣешь изъ цвѣшовъ,

(*) Это одинъ изъ чепырехъ писменныхъ вопросовъ, данныхъ мнѣ по случаю экзамена....

Надъ коимъ ты вишаешь,
Но ясно никому себя не открываешь.

Довольно голову ломаешь:

Я рѣчь о Граціи въ осьми строкахъ скончаю,

Я *дочерью* ее Минервы называю,

Она Анакреонту — *мать*,

Горація — *подруга*,

Тибуллова — *судруга*,

Назонъ — *двоюродный* ей *братъ*,

Гомеръ ей *дядя* и *Виргилій*,

Волтеръ ей *сватъ*,

А Тредьяковскій нашъ *Василій*

Для ней любѣйшій *шахъ* и *мать*!!

Мслевъ.

Б А С Н И.

4.

Юпитеръ и Немопыри.

О просвѣщеніи Юпитера просили
Немопыри, хотя во тѣмъ щастливо жили
Смѣясь Юпитеръ пварямъ симъ,
Тотчасъ исполнилъ ихъ прошенье:
Въ жилище мрачное гнилушку бросилъ имъ,
Сказавъ: Немопыри! вошъ ваше просвѣщенье.

Нахитовъ.

Саксонскій Мужикъ.

Карлъ Готтфридъ Робертъ Ефраимъ :
Сѣи бы имена дасть можно четверымъ,
Но такъ одинъ мужикъ Саксонскій назывался;
Однажды съ сыномъ и съ женой,
Въ день праздничный — зимой,
Онъ басни Геллерта читалъ и восхищался!
Въ иныхъ онъ басенкахъ смѣялся,
Въ другихъ же находилъ полезнѣйшій урокъ:
Женѣ — чтобы имѣть короче язычокъ,
Ребятамъ — машери, опцу повиноваться,
А для себя — въ корыснь и въ скупость не
вдавался.

Вотъ какъ Саксонски мужики
Воскресны дни проводятъ!
И, какъ Москаликъ, въ кабаки
Не ходятъ, —
Чтобъ тамъ буянить, горло драсть,
Свое здоровье поперясть.

Мслевъ.

6.

Пчолка. ()*

Пчолка маленька лѣшала
Со цвѣточка на цвѣпокъ,
И съ жужжаніемъ вбирала
Въ свой желудокъ сладкій сокъ.

Пчолка! ты не осторожна
(Такъ Лизета говоритъ),
Цвѣтъ сосать не всякой должно:
Ядъ въ иныхъ цвѣтахъ сокрытъ.

Это я довольно знаю
(Пчолкинъ Лизѣ былъ отвѣтъ),
Ядъ въ цвѣтахъ я оставляю,
А себѣ — беру лишь медъ.

Мслевъ.

7.

Воззваніе къ Конямъ одного Коня.

Друзья, поварищи! доколѣ —
Носить вы будете яремъ?
Жить у разбойника въ неволѣ,
И слушаться его во всемъ?

(*) Изъ Глейма.

Не ужь ли будутъ насъ во вѣки
Посыдно угнѣпать жестоки человеки? “
Въ коньшиѣ барской такъ молодой ржалъ бодрой

Конь:

Къ свободѣ лошадей хотѣлъ подвигнуть онъ.
„Забудемъ рабство мы, свободу воспомянемъ,
Въ дремучіе лѣса, въ пространны сѣни гря-

немъ,

И тамъ по прежнему, въ блаженной тишинѣ,
Какъ въ вѣкъ златой, паспись однѣ,
И жить, какъ предки наши, будемъ!
Забудемъ хищниковъ, тиранство ихъ забудемъ!
Покажемъ свѣту мы достойнѣйшій примѣръ,
Отъ власти варварской какъ должно свободж-

даться!

Тогда, конечно, каждый звѣрь

Начнетъ обороняться,

И вольность древню сохраня,

Почтетъ всей славою почтеннаго Коня:

Явите, лошади! достойными себя!...

Чѣмъ хуже мы людей? — скажите,

Иль можете быть мы ихъ слабѣй?

Нѣтъ, мы ихъ въ сошеро сильнѣй. —

Такъ чтожь, товарищи! вы спите?...

Не ужь ли можете спокойно вы смотрѣть,

Какъ васъ съ презрѣньемъ запрягаютъ,

Какъ мучать васъ, и какъ спегаютъ?

Довольно, лошади! нѣтъ, нѣтъ! —

Нѣтъ больше силъ къ терпѣнью!

Свобода! нашъ сигналъ къ сраженью...

Не уже ли еще кричаю я принужденъ,

Что вольность лучше нежели плѣнь? —
За дѣло правое пусть льется крови рѣки —
Да здравствуютъ кони и гибнутъ человѣки!“
Симъ кончилъ рѣчь второй сей Цицеронъ,
И съ благородствомъ каждый Конь
Свобода! закричалъ и началъ рвать удила...
Тутъ не могло ничто противиться ихъ силѣ,
Имъ возвращень ихъ вѣкъ злалой,
Блаженство и покой!

*

Злодѣй, въ сей баснѣ — Галлъ, а лошади суть —
Нѣмцы,
Младой же, бодрой Конь
Германскій Цицеронъ, (*)
Котораго послушались Соземцы.
Мслвчъ.

Е П И Г Р А М М Ы.

8.

Б о л т у н у.

Великій слышу громъ, Егоръ! изъ твоихъ устъ;
Шумишь какъ барабанъ; но шакъ же ты и пусть!

*

(*) Раупахъ. Смолъ: славное его воззваніе къ Германцамъ.

9.

С н о в и д ѣ н і е.

Какую я во снѣ зрѣлъ спрашную мечту!
Что будто бы я мерилъ, зрю въ домѣ суету,
Спенанье, вопль и плачь!
Лишь двое прыгають — ктожъ? — Попъ, да
Врачъ!

✱

Ю.

Невѣроятный слухъ.

Что слышу? говорятъ, что разны сочиненья,
Какъ то: рецензію и длинны разсужденья
Готовящъ для писенья!
Помилуйте! ужель печатныхъ мало вракъ,
Въ которыхъ продають на площади табакъ.

Нахимовъ.

II.

Къ Мѣновщикамъ на столахъ.

Насмѣшники! на что публично, средь базара,
Вы перья съ деньгами кладете въ знакъ товара?

Р. С.

Предсказаніе.

*(По случаю тѣсной дружбы Р. Пола.
съ Нѣмецк: Пасторомъ.)*

Съ медвѣдемъ спанешъ быкъ ходитъ обнявшись
братски,

И съ ястребомъ начнетъ лобзаться голубокъ,
„Ахъ! здравствуй, кумушка!“ свечкѣ скажешъ
волкъ,

Съ улыбкой райскою, безъ прежней злобы адской.

Настанешъ тишина на сушѣ и моряхъ,

Любви возникнешъ храмъ — вездѣ, во всѣхъ
сердцахъ,

И словомъ, скоро къ намъ златый вѣкъ возвра-
тишся,

Коль могъ съ Пасторомъ Попъ жить *вмѣстѣ* и
дружится!

Нахилевъ.

13.

Н о в в а н с к о м у.

Прохожій! кончена Новванскаго судьбина:
Проживши шестьдесятъ онъ лѣтъ,
Въ другой переселился свѣтъ;
А здѣсь оставилъ дочь, да сына. (*)

14.

М л а д е н ц у.

Въ могилѣ сей цвѣтами украшенной,
Младенецъ! почивай:
Ты *малостию* твоей спасенной —
Тебѣ награда рай!

Мслвчъ.

15.

М н ѣ.

Что сдѣлалъ я, какъ въ мѣрѣ жилъ? —
Лѣтъ сорокъ шло бренное влачилъ,

(*) Ежели читателямъ не покажется сѣ надгробіе, не я виноватъ; а дочь Г. Новванскаго, она просила меня, чпобъ именно помѣстить, что отецъ ея прожилъ 60 лѣтъ, и оставилъ дочь и сына.

Прекрасныхъ пятьдесятъ (*) любилъ,
Но ни одной я не былъ милъ!
И умеръ отъ того. Меня въ могилу положишь
Отецъ Памфилъ.

Г. К.

16.

Описаніе славнаго парика И. И. Р.

Парикъ сей рѣдкой, дорогой,
Имѣеть вѣсу четверть пуда,
Онъ сдѣланъ хитрою рукой
Изъ нѣжныхъ волосковъ Верблюда;
Зашылокъ, брови и виски,
Большой парикъ сей покрываетъ,
Какъ печь, плѣшь въ стужу нагрѣваетъ
И жметъ ее такъ, какъ писки.
Придѣланъ къ парику широкій,
Французскій назади пучокъ,
А на срединѣ превысокій
И пышный вьется *à la coq*.
Но что еще милѣй и краше
Всего, о немъ что молвилъ вамъ:
Огромны пукли въ три ешажа
Нависнули по сторонамъ!
Къ тому жъ, напередѣ устроены
Послѣдней моды лавержеть:

(*) Вѣрно со справкою моего любознаго архива.

Онъ удивленія достоинъ!
Симъ кончу парика поршреть.

Нахилковъ.

Піесы Рускаго Солдата.

17.

Посланіе Марса къ Аполлону.

Въ Олимпѣ мой содругъ почтенной,
Возлюбленной о Зевсѣ братья!
Сойди съ горы святой священной,
И мнѣ позволъ себя обнять.
Ты богъ наукъ — а я богъ брани,
Ты краснословъ — а я солдашъ,
Въ твоихъ рукахъ перо — а у меня мечъ въ
длани; —
Но не смотря на то, мы всё родня съ тобой.
Хотя ты съ Музами бесѣдуешь спокойно,
Когда я въ ночь не сплю, а днемъ пускаюсь въ
бой;
Но честь шебѣ воздашь достойно,
И лавръ твоей — знаетъ Зевсъ — не лучшесть
моего? —
Довольно ужъ того
(И мнѣ не стыдно въ томъ признайся),
Что безъ сыновъ твоихъ не могъ бы я сра-
жаться.

Да къ спать! воть одинъ,
Брадашой Эскулапъ, твой сынъ,

И на квартирахъ и на службѣ
Всегда, по старой нашей дружбѣ,
Старается мнѣ помогать ;
Однакъ, чтобъ слишкомъ не солгать,
Признаюсь, многіе какъ Эскулапъ одѣты,
Но сомнѣваюсь, законные всѣ дѣти?
Оставляя всё — съ пѣхъ поръ, какъ мы, въ по-
слѣдній разъ,
Разстались съ тобой, — когда всемогущій гласъ
Судьбы созвалъ боговъ, чтобы они въ совѣтѣ
Рѣшили участь двухъ великихъ царствъ на
свѣтѣ,
Кто долженъ пастъ иль Россѣ, иль дерзновен-
ный Галль :
На Руской сторонѣ Юпитеръ первой спалъ
И Россу громъ отдалъ.
Минерва близъ Царя возсѣла на престолѣ,
Чтобъ нивы ушучнить пошла Церера въ поле,
Нептунъ же общалъ, со стороны своей,
Бережъ *россійскихъ кораблей*,
Подрядчикомъ бывъ Бахусъ взялся,
А ты — пошолъ героевъ пѣть,
Я въ службу къ Рускимъ записался;
Но знаешь ты и знаешь себѣ,
Что мы давно съ Венерой въ дружбѣ:
Еи захотѣлось тожъ служить въ Россійской
службѣ;
И такъ, рѣшилася размножать народъ,
А послѣ мнѣ моргнула
И на ушко шепнула,
Что если Рускіе герои черезъ годъ

Съ побѣдою назадъ здоровы возвращаются,
Красавицы для нихъ десятками рождаются.
Резливой и хитрой Вулканъ, ея супругъ,
Консорой былъ всегда Сарматамъ вѣрный другъ,
Увидя, что они держались Корсиканца,
Оспавивши родныхъ, избрали иностранца,
Рѣшился Галламъ помогать; —
Но пробудился вдругъ Сарматъ,
Воссталъ! — геройску вспомнилъ славу,
Отъ коей имена произошли Славянъ,
Обнялъ, какъ братьевъ, Россіянъ.
Тогда Вулканъ что насъ терпѣть не могъ до-
шолъ,
Намъ стрѣлы сталъ ковать, хотя и по неволѣ.
Но думаешь — что насъ оставилъ Купидонъ?
Нѣтъ, — много помогалъ намъ на кварширахъ
онъ!
Юнона гордая, — та стала повитухой;
Цибелла, будучи старухой,
Зарокъ дала молебны пѣть,
Чтобъ Руской могъ успѣхъ имѣть. —
Эрмій курьеромъ подрядился;
Одинъ Плутонъ тогда спыдился,
Что Рускимъ онъ еще ничемъ не услужилъ;
Однакъ подумавши, шрякнулъ сѣдой главою,
Сказалъ: не шутятъ вѣтъ съ войною!
И Элисейскія пошире разтворилъ.
Увы! — старикъ нашъ не ошибся
И, кажется, изъ всѣхъ намъ больше прислужился.
Теперь, когда боговъ соборъ
Для службы Россіянъ оставили свой дворъ,

Одна безумная, кровавая Беллона
Востала за Наполеона. —
Извѣстенъ всѣмъ конецъ войны,
И многіе твои сыны
Воспѣли гимнъ Царю и храброму народу,
На память вѣчную предбудущему роду.
А мнѣ, признайся въ томъ, войны наскучилъ
громъ:

За моремъ хорошо, а всё милѣ домъ,
И я пришелъ теперь на зимнія квартиры
Твоей послушать сладкой лиры.
Обнимемся, мой братъ! — ты спишь, сидишь въ
дому,

Но худо безъ тебя мнѣ въ полѣ одному:
Не мужество одно, не мощныя лишь руки
Къ побѣдѣ, болѣе способствуютъ науки.
Мой братъ! — ты въ сей спокойной часъ
Приготовляй къ побѣдамъ насъ;
Замѣнимъ, между тѣмъ войну, вѣнцы кровавы,
На миршѣ, на любви, на братскія забавы —
Извѣстенъ всѣмъ давно съ Венерой мой союзъ,
Но къ Граціямъ пришли въ компанію и Музы. —
Р. С.

18.

Свиданіе Марса съ Венерою.

Изъ походовъ трудныхъ — дальнихъ
Возвращался богъ войны,
Сердце билось въ героѣ, —

О Венерѣ думалъ онъ:
„Скороль я въ Олимпъ прѣйду? —
Скоро ли увижу ту,
Съ кѣмъ бывало въ часъ покоя
Громъ войны я забывалъ?
(Хоть украдкой отъ Вулкана,
Тѣмъ щастливѣе я былъ!)
Въ дальнихъ я земляхъ походомъ
Былъ и видѣлъ красоты,
Но тѣ красоты земныя,
А то мать любви — красоть. “
Такъ Герой въ пунѣ мечтаетъ —
Конь лепишь подъ нимъ спѣлой,
Всадникъ бодцемъ подстрекаетъ:
Вотъ прѣхаль ужъ домой.
Марсъ отъ радости трепещетъ,
Съ пошлаго вскочилъ коня,
Всходитъ скорыми шагами
На широкое крыльцо:
Онъ въ палату входитъ Зевса,
Гдѣ собраніе боговъ,
И къ престолу Громовержца
Смѣло подступя — огдадь
Первое почтенье Зевсу —
По поклону всѣмъ богамъ. —
Ищетъ взорами Венеру:
„Гдѣ богиня красоты?
Гдѣ предметъ моихъ желаній?
Гдѣ утѣхъ и щастья край?“
Тутъ Эрмій съ лукавымъ взглядомъ
Покачавши головой,

Показалъ ему Вѣнеру. —

Марсъ поспѣшно подскочилъ ,

Но — увидѣвши старуху —

Богъ войны ошолбенѣлъ,

Ахнулъ громко — рошъ разинулъ —

Три шага ступилъ назадъ. —

Всѣ богини засмѣялись ,

Боги начали чихать —

Самъ Юпитеръ усмѣхнулся

И герою такъ сказалъ :

„Что съ тобой за перемѣна?

Не ужели средъ войны

Трепещалъ ты такъ отъ страха?“ —

„О Юпитеръ! пощади

Отъ насмѣшекъ въ часъ ужасной,“

Марсъ, степеная, отвѣчала ,

„Съ адомъ лучше мнѣ сразиться ,

Чѣмъ увидѣть, что теперь. —

То, что было ангель свѣта ,

Что ты сдѣлалась теперь!“ —

Тутъ Венера, взявшись въ боки ,

Подступила, изкривясь :

„Что за дерзость?“ — закричала, —

„Что ты смѣешь говорить? —

Таль награда за утѣхи ,

Что со мною ты вкушалъ? —

Еслибъ я и поспарѣла ,

Развѣ ты помолодѣлъ?“ —

— „О Венера! (если можно

Такъ тебя еще назвать)

Я вишь воинъ — я мужчина :

Какъ же можно укоря~~тъ~~ть,
Что бѣлизны и румянца
Нѣтъ на Марсовомъ лицѣ? —
Еслибъ мудрая Минерва
Похуд ла отъ трудовъ,
Еслибъ добрая Церера
Загорѣла отъ жаровъ,
Еслибъ гордая Юнона,
Презря красоту лица,
Въ чувствахъ царскихъ и высокихъ
Находила красоты:
Мудрость — пользу почитая,
Я колѣнабъ преклонилъ,
И любви упрата сладость,
Меньше бы несчастливъ былъ.
У тебя-жъ, скажи безстрастно,
Что осталось теперъ?“ —
— „Ахъ, злодѣй! — тебѣль шакъ смѣло
Предо мною говоришь? —
Боги! — знаете вы сами —
Какъ обидѣль онъ меня:
Въ часъ, когда судьба велѣла
Марсу Россовъ защищать,
Сей измѣнникъ — ночью смѣло,
Даже Грацій не спросясь,
Въ теремъ мой пришелъ шихонько: —
(Я въ слезахъ тогда была)
Тихимъ шагомъ и печальнымъ
Онъ подходитъ ко одру, —
Голосомъ умильнымъ, спраспнымъ,
Онъ прощается со мной. —

Что онъ говорилъ — не помню —
Но — о Боги! въ этошь мигъ,
Что я чувствовала въ сердцѣ?
Жалость — стыдъ — любовь — боязнь.
Я забылась... и, въ минушу,
Поясъ мой укралъ злодѣй,
Поясъ тотъ, что былъ причиной,
Что Парисъ и въ нагошѣ
Предпочель меня богинямъ
Мудрости и горнихъ мѣстъ. —
Нѣтъ силъ болѣ — вы судите,
Что безъ пояса краса?...
Если правда есть въ Олимпѣ,
Пусть злодѣй сей приметъ казнь! —
Съ тѣхъ поръ вяну и старѣю;
О! — почто безсмертна я?
Смерть не лучше для Венеры,
Чѣмъ съ морщинами лицо?“ —
Боги — даже и богини
Сжалились тогда надъ ней.
„Что ты скажешь?“ — грознымъ тономъ
Марса Юпитерь спросилъ.
„Я —... не знаю — и — не вижу
Никакой обиды въ семъ:
Разлучаясь на долго,
Поясъ я на память взялъ.“ —
„А! — на память — ну! — такъ помнижь —
И возьми ее къ себѣ, —
Ужъ Вулканъ ревнивъ не будетъ,
Видъ она не хороша.“
Тутъ Вулканъ, хромой ногою

Шаркнувъ, Зевсу отдалъ честь:

„Правда, Богъ! — отецъ! ни мало

Не противлюсь я шому,

И отъ всѣхъ претензій правныхъ

Откажуся навсегда.“

Вдругъ Минерва свѣплымъ окомъ

Обозрѣла всѣхъ боговъ: —

„Всѣхъ согласны?“ — „всѣ согласны!“ —

— „Я покровъ ей отдаю.“ —

— „Какъ? — что? — гдѣ? — кому? — откуда?

Поясъ вѣчной красоты?“ —

„Да! — Минерва отвѣчала,

Я для ней другой сошкала,

Чтобы первый замѣнить.“

Р. С.

19.

Разговоръ прѣзжаго съ жителемъ.

Прѣзжій. — Здѣсь мрутъ десятками — что
это за причина?

Житель. — Не знаешь ты причины сей?

Какой ты простачина! —

Видь съ войскомъ прибыло не мало лѣкарей.

Руской Солдатъ. ()*

(*) Издашель еще въ Мартѣ получилъ пѣсы Р. С. но помѣ-
спитъ въ прошелемъ мѣсяцъ было уже не можно; по-
шому, что 3. Н. Х. Д. почти былъ уже готовъ. Издашель
узналъ и наспящую фамилию Россискаго Солдата, и дол-
гомъ поставляетъ лично благодарить Героя за по ни-
мане, какое онъ оказалъ тысяча первому журналу;
какъ рав' омѣрно и за преучивое письмо, которое издашель
имѣлъ честь получить вмѣстѣ съ пѣсами. М.

II.

П Р О З А.

20.

Ужаленіе пчелы

и л и

первой поцѣлуй.

(Съ Нѣмецкаго.)

Осѣняемый жасминою бесѣдкою и окруженный благовоніемъ цвѣповъ оной, сидѣлъ я нѣкогда между Аманшою и Филлидою. Мы радовались веснѣ, и глаза наши насыщались прелесными цвѣтущей юности. Вдругъ пчелка въ легкомъ полетѣ зажузжала около кудрей Филиды, и ахъ! паспущка была ужалена прежде, нежели могла осмотрѣться.

„О бровь моя! вскричала она: милая подруга! о какъ больно! будто отъ тысячи уязвленій. Ахъ! уже пухнеть бровь моя. Какою же буду я казаться!“....

„Не воздыхай, сказала Аманта, и оперла слезы на щекахъ ея; смотри! уязвленіе легко; бѣдное насѣкомое жалишь по невинности своей, не вѣдая что пакъ много вредишь.

Вотъ я вынула уже ядовитое жало, а помощію волшебной силы чарованія, немногими таинственными приговорками, мгновенно упишу боль твою. Знай: одна Нимфа научила меня таинству сему, и я, въ благодарности за то, жертвую ей самую весну корзиную наилучшихъ и любимѣйшихъ цвѣтовъ моихъ.“

Нѣжно прикоснулась она розовыми устами до брови дѣвицы Филлиды; пошомъ съ важностію прошептала невнятную чарошительную приговорку, и, чудо изъ чудесъ! — силою ли волшебнаго шептанія или дѣйствіемъ прекрасныхъ, плѣнительныхъ губъ — короче сказать, мученіе пастушки окончилось мгновенно. — Радость и сладостное упоеніе опять окружили чело любезнѣйшей невинности. —

Что я чувствовалъ тогда? — Въ безмолвномъ испушеніи пияясь любовнымъ пламенемъ, давно уже поспавлялъ я все счастье мое насыщаясь прекраснымъ взоромъ Аманты и слышать пріятный голосъ ея, раздающійся подобно звуку тихо журчащаго ручья; но теперь страсти мои заговорили смѣлѣе, возбудилось желаніе, никогда еще неощущаемое. „Прекрасныя губы! говорилъ я самъ себѣ, о

розы! о румянецъ! о если бы беспрестанно увиваясь около нихъ прильнуть къ нимъ навсегда и сокровенно вдыхать сладость любви. — Ахъ! кто бы не опдалъ за такую цѣну прекраснаго Мая жизни своей!“

Любовь богата хитроспями, а въ пылу страстей даже и самой робкой человѣкъ дѣлается смѣлымъ. Я не долго вымышлялъ, и невинной обманъ былъ уже готовъ.

„О губы мои! возопилъ я, какое адское мученіе! онѣ горятъ, горятъ несноснымъ пламенемъ! о проклятое насѣкомое! Уже весь ротъ пухнетъ! — ахъ Аманта! — Но ты не проспишь мнѣ сего, ты по дѣвичей спыдливости поспѣешь убажишь, лишь только ты услышишь. — О проклятое насѣкомое! какая же нестерпимая боль! мои губы горятъ, горятъ ужаснымъ пламенемъ! — Милая пастушка! не осердись: я долженъ, долженъ просить, ибо кто не любитъ жизни своей? Скажи, не помогаетъ ли это легкое средство доброй Нимфы также и юношамъ? — А ежели оное можетъ пособить, то спаси, милая! отъ боли моей, ахъ! можетъ быть отъ смерти, меня. У ногъ

пвоихъ молю о милосердіи: не пожертвуй мечпашельной спыдливости жизнию моею.“ —

Дѣвица усмѣхнулась: робко смопрѣла она по на Филлиду, по на просипеля, которой уже съ полною надеждою, прижимая губы свои къ лебединой рукѣ ея, ощущалъ предвкушеніе изцѣленія.

„При случаѣ, говорила она покраснѣвши, Нифма уча меня сказывала, при случаѣ можешь ты и юношу изцѣлить опъ пчелинаго жала; но только бы юноша сей былъ такой, которой никогда еще не забавлялся въ сумерки съ пастушкою, такой юноша, которой бы не всюду болталъ о подаркахъ, даваемыхъ богинями дѣвушкамъ; да и по немногихъ юношей, ахъ! одного только, если можно, должна ты изцѣлить. Но и сему одному должна ты рѣдко и въ тайнѣ благодарствовать чарователнымъ вспомошествованіемъ пвоимъ. Приманчивость и сила его исчезають, когда многіе воспользуются онымъ!“

За симъ съ ангельскою пріятностію дѣвушка наклонилась ко мнѣ. — Боги! чаялъ ли я, чтобы невинной обманъ, чтобы пылкая въ испуленіи ощущенная мину-

ша могла навсегда похипипть весь покой сердца моего? — Каково было мнѣ при сей райской мечтѣ, когда она съ нѣжно-стію прикоснулась ко мнѣ, успа прижались къ устамъ? — О! сего никакой языкъ никогда не выразишь! Она шепшала чаровашельную приговорку, копорая попряшсь въ груди ея исходила воздыханіемъ; — но ахъ! чѣмъ болѣе роса любви опъ ея поцѣлуя проникала въ душу мою, тѣмъ неуполимѣ было желаніе мое.

„Не уже ли еще болишь?“ —

„О дѣвица! швое чудодѣйство велико! Когда губы швои прильнушы къ моимъ, шогда изцѣленіе разливается по всему сосшаву моему; когда же оныя опнимешь опъ моихъ, ахъ! шогда боль опяшь возвращается.“ — Проспакъ я, выпросилъ у дѣвушки еще шри поцѣлуя и шри шепшанія! Аманта! ты меня удивипельно перемѣнила! Только опъ пчелинаго уязвленія хотѣла ты изцѣлишь меня, ахъ! и поцѣлуями швоими жестоко произвела глубокую рану въ сердце моему.

И. Мсѣ.

О обычаяхъ.

Люди придерживаются своихъ обычаевъ болѣе нежели нравовъ, болѣе нежели законовъ, и часто болѣе нежели вѣры своей.

Обычаи народа составляютъ часть его нравовъ, съ тѣмъ за всегда различіемъ, что нравы сопряжены съ главными правилами, всѣмъ извѣстными и уважаемыми, и не иначе могутъ измѣниться, какъ развѣ народъ сдѣлается лучшимъ или худшимъ. Напротивъ того перемѣна въ обыкновеніяхъ, которыя всегда бываютъ мѣстныя и коихъ происхожденіе часто бываетъ неизвѣстно или удерживается только по народнымъ преданіямъ, можетъ ни малаго не имѣть участія въ судьбѣ того же самаго народа, и никакъ не дѣлаетъ перемѣны въ его благосостояніи.

Пусть зарываютъ мертвыхъ, какъ нынѣ, или пусть сжигаютъ ихъ, какъ прежде: это такіе обычаи, перемѣна коихъ мало окажетъ вліянія на судьбу народа, который позволитъ себѣ оную; но самый сей народъ упадетъ и развра-

щается, когда переспанеть уважать гробницы.

Пусть ѣдятъ лежа на кровати, какъ древніе, или сидя на стулѣ, какъ наши современники: это также равно, какъ для здоровья, такъ и для нравственности; но привычка къ пресыщенію и пьянству равномѣрно противна добрымъ нравамъ и здоровью.

Если какой нибудь обычай древнѣе, хорошо обдуманъ и повсюду установленъ, то никакъ нельзя оставить его, не бывъ подверженнымъ прослышѣ за Циника или за челоуѣка чужестраннаго въ собственнѣйшей своей отчизнѣ. Таковы, напр. обыкновенія носить трауръ по усопшимъ, благодарить тѣхъ, кои насъ обязываютъ, привѣщивать друзей, посылать взаимныя поздравленія съ наступленіемъ новаго года и не говорить грубо съ родителями и старшими.

Неблагоразумно даже опровергать слишкомъ открыто скоропреходящія установленія моды. Живучи въ свѣтѣ, должно жить, одѣваться и говорить какъ и всѣ прочіе. „Мудрый, говоритъ Фонсенель попускаетъ себя одѣвать своему портному.“ Одѣвался по Армянски посреди Пари-

жа, Ж. Ж. Руссо хотѣлъ сдѣлаться замѣ-
пнымъ, и успѣлъ только въ томъ, что
всѣ надъ нимъ смѣялись.

Многіе подобно Ж. Ж. Руссо думали
опличиться, пренебрегая общепринятыя
обыкновенія, или прошиваясь общимъ мнѣ-
ніямъ. Сего рода мятежничество можетъ
имѣть успѣхъ, когда оно выдерживается
съ великимъ разумомъ. Въ противномъ
случаѣ оно извлекаетъ улыбку сожалѣнія,
возбудивъ напередъ минувшее удивленіе.

„Иной, говоритъ Дюкло, признает-
ся за дурака потому только, что хо-
тѣлъ утверждать противное. Никогда не
мѣшай въ половину, бывъ обмануты
его увѣреніями.“ Но уважая обычаи своей
земли, не должно думать, что обычаи
другой земли смѣшны или достойны пре-
зрѣнія. Умѣренность въ такомъ случаѣ
есть первая ступня устава общест-
веннаго.

„Еслили кто нибудь думаетъ, гово-
ритъ еще Фонтенель, что нельзя ни
одѣваться, ни привѣтствовать, ни го-
ворить иначе, какъ по модѣ его отличны;
то мой совѣтъ, чтобы онъ путешес-
твовалъ.“

Прежде Французскій народъ былъ изъ всѣхъ народовъ самой ропозѣливой и насмѣшливой, потому что онъ меньше другихъ путешествовалъ. Его обычаи казались ему одни достойными похвалы, одни, которыми можно превозноситься.

Въ семь случаевъ Греки не лучше Французовъ разсуждали. Все, что было не по Гречески, казалось имъ варварскимъ.

Съ одной стороны суетносятся, а съ другой невѣжесиво, дѣлаютъ насъ несправедливыми и злыми прицѣпелями: чело-вѣкъ наилучше воспитанный естъ также и самый снисходительный.

Когда всѣ дѣла управлялись острѣмъ меча, тогда оскорбленная честь алкала крови, и за нее сражались. Сей обычай былъ варварской, но должно было сообразоваться съ онымъ.

Нынѣ дѣла рѣшаются острою ума, другъ друга подсмѣиваютъ; и сей обычай забавнѣе, но не вездѣ тершимъ.

Когда объдывали въ два часа, поужинали въ десять. Вечеринки были тогда пріятнѣйшею вещью въ свѣтѣ. Сей обычай былъ самой Французской.

Съ того времени, какъ начали объдашь въ шесть часовъ, перестали ужи-

нашь и смѣяться: но веселоспѣ возвраща-
ишися съ ужинами.

Есть обыкновенія, кои теряются во
мракѣ временъ и коихъ произхожденіе и
причину напрасно было бы изыскивать.
Таковъ есть обычай привѣтствованъ сня-
тіемъ шляпы. Какое отношеніе между
почтеніемъ и не покрывною головою? В -
спочные народы въ подобномъ случаѣ до-
вольствуются положеніемъ руки на чело.

Есть и другіе, кои кажутся бытъ
отринуты здравымъ смысломъ: таковъ
есть обычай давати преимущество пра-
вой рукѣ предъ лѣвою. Кромѣ того, что
обѣ руки равномерно намъ даны приро-
дою, справедливо еще и то, что мы ше-
ряемъ нѣчто, не употребляя оныхъ без-
различно: ибо та рука, которая меньше
служитъ, становится лѣннѣе и слабѣе.

Есть еще обыкновенія, которыя съ
перваго взгляду кажутся намъ странны-
ми, несправедливыми и тиранническими;
но коихъ мудрость легко познается по
разсудительнѣйшемъ изслѣдованіи и ко-
гда мы принимаемъ трудъ изыскать про-
изхожденіе оныхъ во нравахъ того вре-
мени, въ какое они установлены.

пр... Нельзя болѣе обмануть насъ въ семъ случаѣ и не позволимъ себѣ испытывать.

Баронша не безъ причины призвала въ помощь обычаи пропивъ неравнаго брака, могущаго обезславить Графа, не доставивъ ему того блаженства, котораго онъ искалъ въ ономъ. Неравные браки рѣдко доставляли счастливыя супружества, и тѣ, кои для оправданія оныхъ говорили, что благородство души гораздо лучше знашнаго произхожденія, сдѣлали ложное употребленіе изъ древней и всѣми признанной истинны.

Спрасъ, приводившая въ заблужденіе Графа, извиняетъ его отвѣтъ, но не оправдываетъ онаго. Мудрый не презираетъ ни въ какомъ случаѣ обычаевъ, усвоенныхъ въ его отчизнѣ, утвержденныхъ временемъ, и еще того менѣе, когда оныя одобрены здравымъ разсудкомъ.

Обычаи, моды и обряды суть законы общества, отъ знанія коихъ никакъ нельзя отрекаться, живучи въ обществѣ. Честной человѣкъ не можетъ быть рабомъ оныхъ, но и того менѣе, ихъ пропивникомъ и порицателемъ.

„Должно повиноваться правиламъ обыкновеній, говоришь Монпанъ, но не подчиняешься онымъ, если они не суть, обязанность и служеніе коимъ суть полезны. Жизнь общественная посвящена обрядамъ; моя, скрытная и частная, наслаждается всею свободою, дарованною намъ отъ Природы.“

22.

В ѣ с т о в щ и к и.

(Изъ Монтескьё) ()*

Есть народъ, называемый *Вѣстовщиками*; при всей своей праздности, они всегда заняты, и будучи вовсе бесполезны для Государства, считаютъ себя однакожъ весьма для него полезными, потому что болтаютъ о важныхъ предпріятіяхъ и разсуждаютъ о великихъ выгодахъ онаго. Основаніемъ ихъ разговору служить пустое и смѣха достойное любопытство. Не существуетъ такого таинственнаго кабинета, въ которой бы они

(*) Здѣсь изображеніе сіе нѣсколько сокращено.

не думали проникнуть: они никакъ не согласяшся не зная о чемъ нибудь. Коль скоро вычерпають все насипящее, то принимаются за будущее, и дѣлаясь какъ бы предпечами Провидѣнія, всевѣщаютъ напередъ все дѣянія человѣческія; ведутъ за руку какого нибудь Полководца, и разхваливъ его за тысячу глупостей, которыхъ онъ не дѣлалъ, готовятъ ему тысячу другихъ, которыхъ онъ никогда не сдѣлаешь. У нихъ войска летаютъ, какъ журавли, а крѣпостныя стѣны падаютъ, какъ будто карточные домики; у нихъ есть мосты на всѣхъ рѣкахъ, пошасенные ходы на всѣхъ горахъ и неизчерпаемые магазейны на непроходимыхъ пескахъ: у нихъ нивъ чемъ нѣтъ недостапка, кромѣ здраваго смысла.

23.

П р а з д н о л ю б ц ы.

(Изъ Монтескьё.)

Говорятъ, что человѣкъ есть животное, любящее общежитіе. Принимая въ семь смыслъ, мнѣ кажется, что Фран-

цузъ есть болѣе человѣкъ, нежели всякой другой: это человѣкъ по превосходству, ибо онъ какъ будто бы единственно созданъ для общества.

Но я примѣнилъ между ними людей, которые не только общежительны, но сами собою составляютъ повсемѣстное общество. Они размножаются по всѣмъ угламъ и населяютъ въ одну минуту всѣ четыре части города: сто человѣкъ сей породы гораздо замѣннѣе, нежели двѣ тысячи гражданъ; въ глазахъ чужестранцевъ они могли бы замѣнить опустошенія, причиненныя моровою язвою или голодомъ.

Въ школахъ предлагается вопросъ: можетъ ли одно и тоже шѣло находиться въ одно и тоже время на многихъ мѣстахъ? — Они служатъ доказательствомъ тому, о чемъ философы вопрошаютъ.

Они находясь въ безпрестанномъ занятіи, потому что приняли на себя важное дѣло спрашивать всѣхъ, кого видяшь: куда идете? и откуда идете?

Никогда бы ихъ не разувѣрилъ въ томъ, что благопристойность пребудетъ посѣщать ежедневно всю публику по *часамъ*, не считая уже шѣхъ посѣщеній,

которыя дѣлають они *вообще*, въ тѣхъ мѣстахъ, куда люди сходящія по какъ дорога къ таковымъ мѣстамъ весьма коротка, по сѣи посѣщенія счисляются за ничто въ правилахъ ихъ церемоніала.

Они болѣе утомляють ворота всѣхъ домохъ своимъ снуконъ, нежели вѣтры и непогоды. Если бы пересмотрѣвъ записную книгу всѣхъ приворожниковъ, по каждой день можно бы найти имена ихъ, искаженныя въ тысячи видахъ шлейцарскимъ писанымъ. Они влачатъ жизнь свою, или провожая погребательныя шествія, или выражая свое состраданіе, или поздравляя со свадьбою. Король никогда не дасть награжденія кому либо изъ своихъ подданныхъ, безъ того, чпобъ они не наняли кареты и не ѣхали изъявлять радость свою о томъ; наконецъ они возвращаются домой въ крайнемъ изнеможеніи, и опдыхають, дабы на завтра снова приняться за многотрудные свои подвиги.

Одинъ изъ нихъ умеръ недавно отъ усталости, и на гробъ его написали слѣдующую эпитафію:

„Здѣсь покоится шопъ, кто никогда не „успокоивался: онъ проводилъ 530 похоронъ, радовался о рожденіи 2680 мла-

„денцевъ; пенсія, съ копорыми онъ по-
„здравлялъ друзей своихъ, и всегда въ ра-
„зныхъ выраженіяхъ, проспирался до
„2,600,000 ливровъ; дорога, пройденная
„имъ по мосиповой, до 9600 стадій, а по
„полю — до 36. Разговоры его были весь-
„ма занимательны: онъ помнилъ наизусть
„по вѣрному счету 365 анекдотовъ; къ
„тому же совершенно зналъ еще съ ма-
„лыхъ лѣтъ 118 апоѳегмъ, взяпыхъ изъ
„древности, и употреблялъ ихъ при оп-
„личныхъ случаяхъ; наконецъ онъ умеръ
„на 60 году своей жизни. Прохожій! я
„молчу; ибо какъ могъ бы я пересказать
„тебѣ все, что онъ дѣлалъ и что ви-
„дѣлъ?“ —

24.

Журналы и Журналисты.

(Изъ Монтескье.)

Письмо Персіяннина къ своему другу изъ
Парижа.

„Есть нѣкотораго рода книги, коихъ
не знаютъ у насъ въ Персіи, и которыя,
мнѣ кажется, здѣсь въ великой модѣ: онѣ

называющіяся Журналами. Для лѣности весьма лестно читать ихъ: ей угодно то, что она можетъ въ четверть часа пересмотрѣть до шестидесяти книгъ разнаго содержанія.

Въ большей части книгъ Сочинитель не досказалъ еще обыкновеннаго предувѣдомленія, какъ уже читатели находятся при послѣднемъ издыханіи; онъ вводитъ ихъ полумертвыхъ въ содержаніе книги, запыленное въ море словъ. — Одинъ хочетъ содѣлаться безсмертнымъ, написавъ книгу въ 12 томовъ; другой своею въ 4 томы; третій, имѣя самыя лучшія замѣренія, берется написать въ листъ: и такъ должно, чтобы онъ разпространилъ свой предметъ соразмѣрно величинѣ книги, что онъ дѣлаетъ безъ всякой жалости, считая за ничто сраданіе бѣднаго читателя, которой мучитъ себя, спрашивая то сократитъ, что сочинитель съ толикимъ трудомъ старался распространить.

Не знаю, что хорошаго находятъ писатели подобныя сочиненія: я могъ бы столько же ихъ насчитать, если бы захотѣлъ разстроить свое здоровье и разорить книгопродавца.

Журналисты очень худо дѣлають, что говорятъ о новыхъ только книгахъ, какъ будто истина можетъ быть нова. Мы кажется, что чловѣку нѣтъ никакой нужды предпочитать старымъ книгамъ новыя, пока не прочтешь всѣхъ первыхъ.

Но налагая на себя законъ говорить о сочиненіяхъ нововыпечатанныхъ, они налагають на себя еще другой, именно пошль, чтобъ быть весьма скучными. Они не берутся критиковать тѣхъ книгъ, изъ которыхъ дѣлають извлеченія, какъ бы ни сильна была ихъ на то причина; въ самомъ дѣлѣ, найдется ли такой смѣльчакъ, чибь согласился дѣлать себѣ каждой мѣсяцъ по десятку или по дюжину неприятелей?

Большая часть сочинителей похожи на спихотворцевъ, которые могутъ вытерпѣть стучу палочныхъ ударовъ не жалуюсь; но столь мало заботясь о своихъ плечахъ, бывають толико ревностны къ своимъ твореніямъ, что не могутъ вытерпѣть самайшей критики. Надобно крѣпко беречься, чтобъ не зацѣпить ихъ за толь чувствительную струну, и Журналисты твердо сіе помнятъ. По се-

му они дѣлають совѣтъ напрошивъ: сперва начинаютъ они хвалять содержаніе сочиненія, — первая *слабость*; оппунда переходяпъ они къ похваламъ сочинителя — похваламъ принужденнымъ: ибо они имѣють дѣло съ людьми, готовыми за себя спрого вступиться и поразить ударами перьевъ дерзновеннаго Журналиста.

О. Соловь.

III.

С М Ъ С Ъ:

I.

Пѣсня Американская.

Прійди ко мнѣ, любезна *Зара*!
И не сердися на меня,
Упѣшь ты вѣрнаго *Навара*,
Который дышетъ для тебя!

Напрасно, *Зара*! убѣгаешь
Отъ быстрой съ крыльями любви,
Напрасно ты сокрыться чаешь
Отъ видящей во тѣмѣ совы.

Ни рѣки, ни лѣса, ни горы,
Мой быстрый бѣгъ не пресѣкутъ,
Вездѣ мои проникнуть взоры,
Вездѣ открыть мнѣ будетъ путь!

Я взлѣзу на древа высоки,
Я рѣки преплыву глубоки,
Я оборву съ кустовъ листья,
Лишь бы увидѣшь мнѣ, гдѣ ты!

Уже на землю ночь нисходитъ,
И свѣтъ очей моихъ приходитъ,
Уже сближаются уста:
Будь вѣкъ такая пемнота!

Мслвчъ.

2.

Двойные Акrostихи.

1.

Могу ли не любить тебя всечасно зрЯ — — —
Ахъ! выше силъ моихъ молчать — скрыванься въ спрaстИ,
Рѣши судьбу мою! — чего мнѣ ждaтъ пeпeРъ? — — —
Иль жизнь съ любовью? — смерть, послѣдствіе отказа? —
Я жду: скажи скорѣй!! — писать хочу къ другИмъ.

2.

На шоль тебя узналъ, чтобы отдаться въ плѣнъ?
Ахъ! — сильной спрaспю горю — часа ужъ двА,
Другихъ оставилъ я; — исполнишь чпобъ обрaдъ —
Я долженъ же спросить: — щасливымъ будуль Я?

3.

Спросишь осмѣлюсь коль — спросишь хочу тебя;
О чемъ? — рѣшишь презлой судьбы моей напaспИ:
Философъ я, чудакъ, монахъ, но не ТартюФъ,
И такъ спрошу: — мы любимъ ли другъ друга спрaспИО?
Я — иѣшъ, и не любилъ; а ты? — мы квишъ... смѣюСь!

4.

Люблю! — люблю! — какъ никого я не любилъ,
И поспоянно все люблю тебя — при... дни!
За чемъ спрадаю такъ я въ жизни первый разъ?
Ахъ! вхашъ со двора мѣшаепъ мнѣ погода!

5 и послѣднѣй.

Послушникомъ я былъ, густа была брада!
Амуръ пощекопалъ... спасенію шабашъ!
Шпандаръ любви блеснулъ, иду служить сюда!
Ахъ! вѣчноль буду я носить любви дѣль!

Г. Квитка.

3.

На прозъбу написать пѣсню на снурокъ.

Слышаль я, что ты всѣхъ просишь,
На *снурокъ* илюбу написать;
Но *снурковъ* ты много носишь,
Я незнаю, какъ начать.

Коль *снурокъ* ты получаешь
Отъ невинныя красы,
Отъ которой ты страдаешь;
Вздерни ты его въ часы.

Отъ старухи коль *снурочикъ*
Получилъ, любезной мой!
Завяжи имъ ворошочикъ
И платкомъ его закрой.

Если отъ купчихи тучной
Есть *снурочикъ*: всѣмъ кажи;

Въ знакъ любви благополучной,
Въ просточку снурокъ вяжи.

Бстѣлижъ ты прельстиль Кокешку,
И отъ ней имѣешь *снуръ*:
Изъ *снурочка* сдѣлай сѣтку,
Чтобъ увязнуль въ ней Амуръ!

Коль отъ вздоховъ нѣтъ награды:
Презри мира суеты,
Прекрати снуркомъ досады,
На любомъ повѣсься ты!

С . . . М . . . на

4.

Аминтѣ.

Гдѣ журчалъ ручей сребристый
И цвѣточки напоялъ,
Гдѣ высокій дубъ вѣтвистый
Громъ и бури презиралъ:

Тамъ Аминтѣ, пастухъ лѣ безный,
Приорюнивши сидитъ;
Проливаетъ токи слезны,
Что пастушка не глядитъ.

Изломалъ свою свирѣлку,
Съ грусти цѣлый день не ѣлъ....
Люди часто за бездѣлку
Плачутъ — ихъ такой удѣлъ!

Молвъ.

5.

Х а н д р а.

Скажи мнѣ, отъ чего такъ сильно ты грустишь?
Въ кругу семьи своей, повѣся носъ, сидишь;
На всѣхъ ты сердишься: за что? — и самъ не-
знаешь,
Съ утра до вечера ты зъ карты лишь гадаешь:
Съ шерпѣнья выведешь, всѣхъ стонишь со двора —
Ну, что же ты молчишь? — *Хандра*, мой другъ!
Хандра.

Чтожъ это за Хандра? меня ты вразуми
И дружеской совѣтъ, пожалуйста, прими;
Взгляни ты на жену, на тещу, на сыночка,
Кто знаетъ? — можетъ быть, еще родится
дочка:
Все должно веселить — и Катинька сестра.
Охъ! вижу, признаюсь: — *Хандра*, мой другъ!
Хандра.

Да растолкуй же мнѣ, какая сапана
Вселилася въ тебя? или болѣзнь она? —
Давно ли на Руси? — отъ куда къ намъ яви-
лась?

Съ *Еленыль*, съ *Ельбы ли*, и гдѣ она родилась?
Скажи! такъ по шеямъ прогнать ее пора.
Не знаю ничего — а знаю, что *Хандра*!

Какой же ты дуракъ со всей твоей *Хандрой*!
Коль такъ она мила, такъ храмы ей построй;
Когда не хочешь внять ни дружбѣ, ни разсудку,
Не мучь же всѣхъ собой: возьми ты въ руки
дудку,
Броди ты по лѣсамъ отъ утра до утра,
Свисти и воспѣвай, *Хандраловна*, *Хандра*!

С.

6.

К Ѵ . . .

Дай ростъ тебѣ... имой, по больше,
Не такъ квадратенъ станъ — потоньше,
Дай раза въ три лице бѣлѣй,
Свѣжѣй,
Круглѣй,
Милѣй —
Дай вдвое меньше губы
И поровнѣ зубы,
Дай наконецъ не такъ искривленъ носъ,
И лѣвой глазъ чѣмъ не былъ косъ:
Тогда и ты... — судя не строго,
Моглабъ занять не много. —

7.

Къ С.

Чтобъ удивить, Рафаиль! свѣтъ,
Спиши ты съ С. портретъ.

8.

Къ портрету Оберъ-Обдиралова.

Съ лица никакъ нельзя имѣть догадки,
Какъ мастерски беретъ онъ взяжки.

9.

Въ Альбомъ

О. Б. Р.

Чтобы испортилъ первый листъ
Въ Альбомѣ вашемъ Журналистъ
Вы эшаго желали.
Прекрасный вашъ Альбомъ на томъ конецъ при-
слали!

Но что же онъ напишетъ въ нёмъ? —
Въ Альбомъ потребно больше лести,
Я съ нею вовсе незнакомъ;
А истинъ написать гоговъ я вамъ, хоть двѣсти.
Извольте слушать вошь онѣ:
Что вы умны — въ томъ нѣтъ сомнѣнья,
Что вы скромны — то знаюшь всѣ. —
А по сему знакъ удивленья
Поставлю я на сторонѣ!

Прибавя къ удивленью почку
Окончу шѣмъ послѣдню строчку.

Мслвчъ.

10.

К ъ С о с ѣ д у.

Ну что любезный мой сосѣдъ,
Какъ кажется тебѣ мой медъ? —
Вчера съ тобой мы погуляли,
Безъ церемоній, безъ чиновъ,
И только лишь вчера узнали:
Межъ нами можетъ быть любовь!

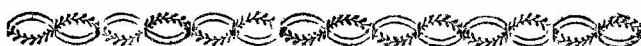
*

Вчера я очень весель былъ,
Себя и цѣлый свѣтъ забылъ,
Забылъ мою я даже *трубку*!
Не знаю какъ я съ головой?
Вчера соорили мы шутку
Не скоро намъ дождать другой!

*

Мы здѣсь тогда лишь и живемъ,
Когда смѣемся и поемъ!
Вотъ только жизни наслаждение —
А остальное вздоръ и пыль.
Кому день каждый *Воскресенье*,
Такъ можетъ пошъ сказать, я жилъ!

Мслвчъ.



Оглавленіе IIй частм.

	Стр.
1. Ушаида (Поема) - -	3
2. Интересь (Сашира) - -	9
3. Ода на миръ Европы, превра- щенная въ баснь - -	18
4. Проповѣдь и Басня (баснь) -	25
5. Голубъ и Воронъ - -	26
6. Волкъ въ пастушьемъ нарядѣ -	27
7. Наполеоновы Шахматы - -	29
8. Рифмачъ и Смерть - -	30
9. Панегиристѣ А... Н... (эпиграмма)	32
10. Она - - -	—
11. Переменная плащья - -	—
12. Крепу - - -	33
13. Рай - - -	—
14. Кучеру (эпиграмма) - -	34
15. Педанту Силъ - - -	—
16. Турецкому Султану - - -	—
17. Пастуху Гончаренку - -	35
18. Климу - - -	—
19. Изъясненіе въ любви одного при- казнаго - - -	—
20 Письмо изъ Европы - -	38

II

	С м ѣ с ѣ .	Стран-
21.	Пѣсня Лапландская - -	56
22.	Экспромтъ Е. В. К—вой - -	57
23.	Къ Вертеру - -	58
24.	Въ Альбомъ - -	54
25.	Акрестихъ - -	—
26.	Надгробіе философа Демокрипа -	—
27.	Пѣсня Надовеская - -	60
28.	Упреки ума — сердцу - -	—
29.	Рецептъ - -	61
30.	Г. Квишкѣ - -	62
31.	Каламбуръ - -	64
32.	Упайда (вторая пѣснь) - -	67
33.	Ода С. . . . - -	75
34.	О Граціи - -	77
35.	Юпишерь и Непопыри (баснь)	78
36.	Саксонскій Мужикъ - -	79
37.	Пчолка - -	80
38.	Воззваніе къ Конямъ одного Коня -	—
39.	Болшуну (эпиграмма) - -	82
40.	Сновидѣніе - -	83
41.	Невѣроятный слухъ - -	—
42.	Къ мѣновщикамъ на сполахъ - -	—
43.	Предсказаніе - -	84
44.	Новванскому (эпиграфія) - -	85

III

	Стран.
45. Младенцу - - -	85
46. Мнѣ - - -	—
47. Описаніе славнаго парика И. И. Р.	86
Піесы Рускаго Солдаша: - -	87
48. I. Посланіе Марса къ Аполлону	—
49. II. Свиданіе Марса съ Венерою	99
50. III. Разговоръ пріѣзжаго съ жи- шелемъ - - -	95

51. Ужаленіе пчелы или первой по- цѣлуй - - -	96
52. О обычаяхъ - - -	101
53. Вѣшповщики - - -	109
54. Празднолюбцы - - -	110
55. Журналы и Журналисты - - -	113

С м ѣ с ѣ.

56. Пѣсня Американская - - -	117
57. Двойные Акроспихи - - -	118
58. На прозѣбу написать пѣсню на снурокъ - - -	119
59. Аминшъ - - -	120
60. Хандра - - -	121
61. Къ . . . - - -	122
62. Къ С. - - -	123
63. Къ поршрешу Оберъ-Обдиралова	—
64. Въ Альбомъ - - -	—
65. Къ Сосѣду - - -	124
